

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК В XXI ВЕКЕ

Н. В. КАРНАУХ

Требования к личности преподавателя в истории российской высшей школы

Преподавание в высшей школе — особая сфера деятельности, требующая специальной подготовки. О необходимости качественного решения данной задачи неоднократно говорилось в педагогической печати, начиная с XIX-го века. «Каждый университет 1) должен доставлять государству нужное количество учителей, правоведов, медиков и т. д. Это его действие на государство. 2) Он должен производить нужное для себя и вообще для университетов число самостоятельных деятелей науки: он должен производить учителей для правоведов, врачей, учителей, — хранителей святого огня науки, передовых мыслей по части цивилизации целого края. ... Каждый университетский устав должен непременно иметь в виду обе упомянутые стороны университетской жизни, иначе университет умрет от естественного истощения», — отмечается в статье профессора Киевского университета А. Вальтера «Зависимость или свобода. Учиться или учить?», написанной в 1865 г.

Д. И. Менделеев в 1903 г. в статье «Заветные мысли» отмечает, что необходима «строго обдуманная, особая организация для получения необходимых нам наставников», так как широкого высшего образования при «случайном качестве преподавателей достичь мало вероятно». Профессор

А. Вальтер, говоря о необходимости серьезного подхода к подбору кандидатов на преподаватель-

скую должность в университете, высказывает мнение, что таких людей необходимо подбирать не только среди способных студентов в университете, но и «вне университета, в школе, в судах, в госпиталях и проч. Университеты должны это отыскивание обратить в постоянное занятие... Тот, кто трудится в пользу науки при неблагоприятных условиях, тот, верно, ее любит, кто при том трудится с успехом, у того непременно есть талант. Таланты нужно привлечь к университету, развивать и поддерживать»¹.

Н. И. Пирогов в своей статье «Дополнения к замечаниям на проект общего устава императорских российских университетов» говорит о таком профессионально значимом качестве личности преподавателя высшей школы как *увлеченность своей профессией*: «Кто не носит в себе призвания, кого высшая сила не удерживает на пути к нравственному совершенству, того нельзя удержать и днями на пути науки... Кто не сделал самоусовершенствование главною задачею жизни, того и обеспеченное существование не удержит на научном пути»². Он приводит пример двух типов преподавателей: «Вот талант, посвятивший себя всецело учебной деятельности, труды его уже обогатили науку,

но они такого рода, что не могут ему принести никакой материальной выгоды. Он, кроме университетского содержания, ни на что не рассчитывает, потому что отдает все время и силы университету. Вот другой: он приглашен «за неимением лучшего» для замещения кафедры. Его занятия такого рода, что кроме университетского содержания, они доставляют ему еще огромные доходы и помимо университета, в котором он «исполняет только аккуратно свои обязанности». Что же общего между этими двумя личностями? Один — находка и приобретение для университета, — удесятерит фонд производительных его сил. Другой исполняет только должность»³.

В педагогической печати России второй половины XIX века неоднократно выдвигается идея о выполнении учебными заведениями воспитательных функций, которые не должны сводиться только к надзору за студентами. В статье преподавателя юридических наук Московского университета В. Сергеевича «Воспитание и обучение в наших университетах», напечатанной в октябрьском номере журнала «Научное обозрение» за 1898 год, отмечается, что вопрос о воспитательной роли университетов является «вопросом великой важности, он нуждается в ясном решении». Воспитание автор понимает как «влияние на духовный облик другого человека в желательном направлении». Одним из ведущих методов воспитания он называет пример воспитателей. Но «мало приставить к воспитаннику одного, двух, трех воспитателей, вся обстановка должна быть проникнута известными началами»⁴. В качестве такого «начала» в университете В. Сергеевич называет развитие у студентов стремления к усвоению научных истин, так как «оно производит могущественное влияние на духовное развитие человека». Этой же точки зрения придерживается Н. И. Пирогов. Он считает, что в университете должны быть тесно взаимосвязаны два направления деятельности — научная и учебная: «Отделить учебное от научного в университете нельзя. Но научное, и без учебного, все-таки

светит и греет. А учебное без научного, как бы не была для национальности приманчива его внешность, — только блеснит»⁵. Осуществить эту работу под силу *преподавателям, увлеченным своим предметом, занимающимся исследовательской деятельностью*. Это еще одно из профессионально значимых качеств личности преподавателя высшей школы. Причем, как замечает профессор Киевского университета А. Вальтер, наукой нельзя заниматься лишь «в промежутках от случайного досуга», преподаватель университета должен обладать «критикой, терпением, прилежанием, талантом изобретения в достаточной степени для того, чтобы двигать науку. Творчество необходимо, чтобы творить русскую науку»⁶. Д. И. Менделеев постоянно подчеркивал, что профессор должен быть подлинным «учителем молодежи; на лекциях при «ясном и живом изложении своего предмета» профессор должен подводить студентов «к самому алтарю знаний» и вместе с тем, в процессе сообщения знаний, «проводить воспитание». «Живым словом и кратким общим выражением необходимых дисциплин заражать умы слушателей и направлять их в должную сторону»⁷.

Эти трудные и высокие задачи может «надлежащим образом выполнить только тот профессор, который сам является крупным ученым и заражен, и увлечен теми идеалами, стремление к которым он призван воспитывать в своих учениках. Обязанность профессора не только учить, но и двигать науку», пишет Дмитрий Иванович в Докладной записке в физико-математический факультет Петербургского университета от 21 октября 1884 г. Он утверждал, что «профессор, который читает курс, а сам не работает в науке и не движется вперед, не только бесполезен, а даже вреден»⁸.

Д. И. Менделеев всю жизнь боролся за развитие передовой науки, за распространителя и творца этой науки — профессора высшей школы, «учителя молодежи», крупного ученого и прогрессивного воспитателя. Он писал, что если профессорские места будут занимать «не по таланту, не по вкладу в со-

кровищницу наук, ничего нельзя ожидать плодотворного и особенно того самостоятельного, которое нам, русским, теперь нужнее всего»⁹.

С. И. Гессен в начале XX века в концептуальных положениях теории университетов отмечал, что «высшая научная школа должна быть, ... прежде всего, очагом научного исследования, ее преподаватель — активным исследователем, самостоятельным ученым, расширяющим своей научной работой область познанного, студент — участником исследовательской работы преподавателя...». «Задача университетского преподавателя не в том, чтобы учить, а в том, чтобы работать в своей науке, которой он может учить лишь в меру своей исследовательской работы. Он не «преподает» свой предмет, а высказывает публично свои научные взгляды — потому он и называется профессором»¹⁰.

Д. И. Менделеев стремление преподавателей и студентов университета к исследовательской деятельности называет «духом университета»¹¹.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что лучшие представители отечественной науки своим примером воспитывали в молодых людях замечательные традиции трудолюбия и уважения к науке, учили терпеливо и настойчиво преодолевать трудности на пути к достижению профессорского звания.

О влиянии личности преподавателя и содержания его лекций на формирование личности будущих специалистов писали бывшие студенты знаменитых профессоров. Например, Б. П. Вейнберг, бывший студент Д. И. Менделеева, отмечает: «В аудитории Менделеева была толпа стремящихся к науке студентов, и был профессор университета, в самом полном смысле этого слова. Профессор этот старался при случае выяснить нам назначение университета, выяснить нам, что мы должны взять от университета, что должны ему дать и как должны будем мы пользоваться взятым, выйдя из университетских аудиторий и лабораторий в жизнь»¹².

Как отмечает А. Архангельский, во время лекций Д. И. Менделеева в Петербургском университете «химическая аудитория не раз бывала переполнена студентами всех факультетов; в глубокой тишине внимали они вещим словам великого профессора, мастерски умевшего пробудить в них стремление к знанию, повысить бодрость и энергию в научном труде. По словам его учеников, многочисленная аудитория иногда прямо замирала от глубокого волнения, слыша призыв великого ума к широкой научной работе»¹³. Современники отмечают, что прослушать две-три лекции Менделеева считали своим долгом даже юристы.

Бывшие студенты профессора Ф. И. Иноземцева (выпускника Дерптского Профессорского университета) вспоминали: «От него мы услышали в первый раз новое тогда для нас слово: *Русская наука, Русская медицина*. Смысл его уже был не тот, с которым случалось нам его слышать от других, немецких учителей наших. Не в узкой рамке сжатого, ограниченного патриотизма, презирающего все, что не наше, являлась перед нами в его лекциях и беседах *Русская наука*. Нет, это было полное уважение и к опыту и к заслугам других, но вместе и стремление принести и свою лепту в общую сокровищницу науки.... Мы постоянно слышали от нашего наставника, что честность в науке столько же обязательна и важна, как и честность в жизни»¹⁴.

Одним из профессионально значимых умений преподавателя высшей школы является *владение лекторским мастерством*.

Авторы «Краткого очерка истории Харьковского университета за первые сто лет его существования», характеризуя лекторское мастерство преподавателей университета, объединили их в три категории: «выдающихся лекторов, средних и неудовлетворительных». Для *первой категории* характерно следующее: «преподавал превосходно и пользовался глубочайшим уважением у студентов»; «весь проникнутый любовью к своему предмету, поэтизировал для своих слушателей даже дифференциальные и интегральные ис-

числения»; «имел глубокие познания и читал красиво и риторично»; «читал прекрасно, энергично, выразительно и поражал светлою логикою, особенно при изложении разных теорий»; «на слушателей действовала его глубокая эрудиция и самостоятельность мысли»; «отличался редким даром слова, читал ясно, отчетливо и умел придать особый интерес своему предмету».

Не останавливаясь подробно на характеристике второй категории, авторы больше внимания уделяют *третьей* — «неудовлетворительным». При этом используются следующие определения: «имел самые поверхностные сведения по своему предмету и никогда не относился к нему добросовестно»; «его лекции никогда не выходили из рамок чужого печатного руководства»; «знал свой предмет, но был до того косноязычен, что в его речи трудно было различить членораздельные звуки»; «безжизненное преподавание, не дающее ни знания предмета, ни пробуждающего чувств»; «буквально повторял текст своих записок, а если вдавался в объяснения, то еще более затемнял смысл неясными оборотами своей речи»; «представлял жалкую иронию над университетским преподаванием»; «гомерическая ленность и небрежность в преподавании»; «позже всех начинавший лекции и раньше всех их оканчивавший, выходивший ранее срока из аудитории»¹⁵.

С. И. Гессен отмечал, что «ораторское искусство профессора заключается не в легкости и отделанности стиля его речи, но в способности его мыслить во время речи, открывать на лекции новые доказательства и оттенки развиваемой им мысли»¹⁶.

Бывшие студенты известных в истории высшего образования России преподавателей отмечают их умение заинтересовать аудиторию с первых слов, «заразить» своей увлеченностью преподаваемым предметом.

Один из замечательных педагогов Московского университета 30-х годов XIX в. Н. И. Надеждин, по свидетельству его ученика Ф. И. Буслаева, имел огромное влияние на аудиторию и производил неизгла-

димое впечатление. «Его речь,— говорил Буслаев,— была бойкая, резкая, цветистая и искрометная, как горный кипучий поток. Он имел замечательный дар красноречия, обширную начитанность. Его умная, плодотворная речь... никогда не утомляла аудиторию»¹⁷. Впоследствии эту особенность отметит и в лекторском мастерстве Ф. И. Буслаева его ученик В. О. Ключевский: «Когда Ф. И. Буслаев вступал торопливым шагом на кафедру и, развернув сложенные, как складывают прошение, листы, исписанные крупными и кривыми строками, начинал читать своим громким как бы ниспадающим голосом о скандинавской Эдде или какой-нибудь легенде, сопровождая чтение ударами о кафедру правой руки с зажатым в ней карандашом, битком набитая Большая словесная, час назад только что вскочившая с холодных постелей ... едва замечала, как пролетали 40 урочных минут»¹⁸. Причем, как вспоминает другой ученик Ф. И. Буслаева — И. И. Кирпичников, профессор в процессе чтения лекции не опускался до уровня общедоступного, а «стремился поднять студентов до уровня серьезной науки»¹⁹.

Замечательным наставником Московского университета был В. О. Ключевский. По свидетельству его учеников, ... «к Ключевскому влекла необыкновенная сила его ума и остроумия и яркая красота его языка и речи. Когда он говорил свои обдуманые и даже, казалось, заученные лекции и доклады, невозможно бывало оторвать внимания от его фразы и отвести глаза от его сосредоточенного лица. Властная мощь его неторопливо действовавшей логики подчиняла ему ваш ум, художественная картинность изложения пленяла душу, а неожиданные вспышки едкого и оригинального юмора, вызывая неудержимую улыбку, надолго западали в вашу память... Ключевский совмещал в себе силу ума и богатство ученого знания с талантом поэтического восприятия и воспроизведения. В этом секрет его обаяния»²⁰. Замечательное педагогическое мастерство «лектора-художника», как называли Ключев-

чевского, сильно влияло на возбуждение интереса к «Курсу русской истории».

Известный педагог Петр Францевич Лесгафт, преподавая в начале 90-х годов XIX века в Петербургском университете, читал лекции «не только ясно, но и очень образовательно, темпераментно. Его стройная, сухоощавая фигура преображалась, он становился молодым и гибким, чувствовалось, как самого его охватывает горение, желание не только отбыть повинность на кафедре, а полноценно жить в общении с молодежью, точно и убежденно передавая ей изученное и продуманное... Голос его то возвышался, то падал, передавал оттенки его подвижного настроения, выражал пафос или укоризну, насмешку или настойчивость. Лектор отважно выходил на бой с научными противниками и в саркастической форме затевал с ними заочную полемику, а потом необыкновенно естественно возвращался к дружеской беседе со своими слушателями»²¹. Петр Францевич во время лекции внимательно следил за тем, как его воспринимают, не появились ли у кого признаки утомленности. Как вспоминают его студенты, в этом случае «он мельком бросал фразу: «Что, милостивая государыня, отсутствуете? Не о том думаете?». Или же подбегал к рассеянному и громогласно задавал ему вопрос.

Во время лекции П. Ф. Лесгафт стремился проверять, как слушатели усвоили материал его лекции, «использовал любой повод, чтобы выявить мнение тех, кого он столь бурно вовлекал в процесс познания». Осмысливая содержание лекций П. Ф. Лесгафта, его ученики обращали внимание на то, как преподаватель воздействовал на их восприятие. «Вообразите, милостивые государыни, подумайте, придете в свою комнатку, возьмите бумажку, начертите»,— слышали они мысленно его наставления. «Помните основное положение», «всем ясно насквозь», «пришпильте» — сколько таких наставлений восстанавливали в своей памяти. Не унылым наставлением, а твердой просьбой вспоминались его фразы: «надо быть интеллигентным», «в каждом человеке надо признавать

личность и данной личности не касаться ни словом, ни делом, ни помыслами», «надо быть на своем месте и в свое время»²².

Величайший ученый и выдающийся педагог Менделеев оставил богатейшее наследие в области педагогической подготовки наставников юношества. Являясь одним из передовых прогрессивных ученых и педагогических деятелей конца XIX и начала XX вв., Менделеев наиболее полно и всесторонне осветил проблему научной и педагогической подготовки наставников «всякого рода».

Бывшие студенты Петербургского университета, в котором Д. И. Менделеев проработал 34 года, отмечали: «Ему не надо, чтоб подчинить себе аудиторию, ни ораторского искусства, ни голосовых средств, ни тщательной отделки лекций — он все возьмет своей любовью к предмету, своим живым отношением к нему»²³. Итак, необыкновенная любовь лектора к своему предмету, увлеченность, передававшаяся слушателям, простота и деловитость обстановки, в которой происходило чтение лекции,— все это привлекало внимание аудитории. «Свои лекции Менделеев читал почти всегда стоя за столом, изредка прерывая свою речь отступлениями, каковыми являлись обычно критика системы «классических гимназий» и призывы заняться по окончании университета практической деятельностью. Язык Менделеева был исключительно образным: яркие и неожиданные сравнения, меткие выражения, а порою и интонация. В. А. Кистяковский отмечает такой педагогический прием Д. И. Менделеева: «Часто в трудных местах лекции, когда ему нужно было привлечь внимание аудитории, говорил: «В чем же тут дело (высоким тоном), а вот в чем» (энергично подчеркивая и сильно понижая тон речи). Аудитория, всколышенная призывом лектора, еще с большим вниманием прислушивалась к словам лектора и еще лучше запоминала труднейшие формулы, законы и теории химии»²⁴.

Бывший студент университета Г. Ветринский писал по поводу стиля устной речи

Д. И. Менделеева: «Впечатление, какое на меня производили его лекции, я могу сравнить только с впечатлением от последних сочинений Л. Н. Толстого: та же безграничная убежденность в том, что говорит каждый, и то же глубокое пренебрежение к внешней красоте фразы»²⁵.

Великий ученый призывал своих слушателей к овладению истиной. Говоря, что истина не спрятана от людей, что ее везде искать можно: и в химии, и в математике, и в физике, и в истории, и в языкознании»²⁶.

Бывший студент Петербургского университета Б. П. Вейнберг отмечал, что Дмитрий Иванович «обладал прирожденным даром захватывать аудиторию и мощно властвовать над нею.

Трудно отдать себе отчет в том, чем достигал он этой власти над нами. Одно можно сказать с достоверностью — не внешними приемами, которые всем — и интонацией, и жестиком, и построением речи — были далеки от того, что считается отличительными чертами настоящего оратора»²⁷. Как отмечают современники, «его лекции были творческим процессом, потому что на лекциях Менделеев думал вслух и нередко решал научные задачи»²⁸.

Он не приготавливал заранее фраз и никогда не прибегал к внешним эффектам. «Часто, излагая свои мысли, он подыскивал подходящие выражения, не сразу их находил, поэтому иногда заикался, не сразу преодолевая встречающиеся затруднения, но когда первые затруднения были преодолены, когда он овладевал излагаемым вопросом, речь его лилась свободно и вдохновенно, и он проникновенно излагал самые трудные и сложные вопросы с необычайной ясностью и простотой, делая их понятными даже для недостаточно подготовленных слушателей»²⁹. В. А. Кистяковский, слушавший лекции Д. И. Менделеева, отмечал, что «студент, вернувшись домой, мог почти дословно повторить прослушанную лекцию. Такова была сила подъема и энтузиазма»³⁰.

Интонация речи Д. И. Менделеева, замечает Б. П. Вейнберг, была тесно связана с ее

содержанием и зависела от настроения Дмитрия Ивановича. «Иногда мысли Дмитрия Ивановича так быстро сменялись одна другою, так бежали одна за другою, что слово не могло поспеть за ними, — и тогда речь переходила в скороговорку однообразного, быстрого ритма на средних нотах. А иногда словесное выражение мыслей не приходило сразу, и Дмитрий Иванович как бы вытягивал из себя отдельные слова, перерывая их многократными «мм...мм...как сказать» и произнося их медленно на высоких, тягучих, почти плачущих нотах, и потом внезапно обрушивался отрывистыми низкими аккордами, бившими ухо как удары молотка. Будь я музыкантом, я, думается, мог бы положить лекцию Менделеева на музыку, — и любой из тех, на чью долю выпало счастье его слушать, безошибочно узнал бы звуки этого мощного голоса, переходившего от ясно слышного в последнем углу аудитории шепотка к громоподобным возгласам»³¹.

Точно так же была разнообразна и «конструкция речи». «Фразы Менделеева не отличались ни округленностью, ни грамматической правильностью».

Высокое мастерство выдающихся лекторов высшей школы, их высказывания о путях и средствах педагогического совершенствования, оказывали большое влияние на научную и педагогическую подготовку молодежи. Посещая лекции, непосредственно наблюдая за научным ростом педагогов, перенимая от них ценное, формировалась новая научная смена. Например, исследователи педагогического наследия М. В. Ломоносова отмечали, что он «хотел создать из своих учеников общество ученых педагогов, которые способны были бы не только преподавать ту или другую науку, но и расширять область открытием новых истин, не только ученых педагогов-теоретиков, но и практиков, которые и изобретать умели бы, и еще больше учить были бы мастера. Оно, действительно, так и случилось... Ученики Ломоносова были в свое время замечательными профессорами, учителями и учеными... Все они посвятили свою жизнь той же профес-

сии, которой так дорожил их профессор. Дидактическая сила Ломоносова была так велика, что даже частные лица, побывав на его лекциях, заражались его стремлениями и желаниями»³².

В. В. Докучаев, отмечая, что наибольшее влияние оказали на него лекции Д. И. Менделеева и И. М. Сеченова, подчеркивал, что как педагог он стремился читать по-менделеевски. Как было уже отмечено выше, на становление преподавательского мастерства В. О. Ключевского большое влияние оказал лекторский талант его учителя — Ф. И. Буслаева.

Появление в отечественной высшей школе таких талантов было возможно только в результате упорного, кропотливого труда русских ученых над совершенствованием своего педагогического мастерства.

Деятельность выдающихся преподавателей была ценным примером, образцом ведения учебного процесса в высшей школе.

К концу XIX века в России сложились представления о профессоре русского университета. Он должен был воплощать в себе такие качества, как увлеченность профессией, высокая трудоспособность, стремление к исследовательской деятельности и обширность научных знаний, стремление к совершенствованию педагогического мастерства, честность ученого, толерантность. Профессионально значимые личностные качества проявлялись в умениях оказывать влияние на своих студентов, увлекать их своей профессией (преподавателя высшей школы), создать собственную школу преподавания, во владении лекторским мастерством.

¹ Вальтер А. Зависимость или свобода. Учиться или учить? Киев, 1865. С. 78.

² Пирогов Н. И. Дополнения к замечаниям на проект общего устава императорских российских университетов. СПб., 1863. С. 13.

³ Там же.

⁴ Сергеевич В. Воспитание и обучение в наших университетах. Извлеч. из жур. «Научное обозрение». Октябр 1898 г. С. 4.

⁵ Пирогов Н. И. Дополнения к замечаниям на проект общего устава императорских российских университетов. СПб., 1863. С. 15.

⁶ Вальтер А. Зависимость или свобода. Учиться или учить? Киев, 1865. С. 38.

⁷ Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб., 1903–1904 г. С. 276.

⁸ Менделеев Д. И. в воспоминаниях современников. Сост. А. А. Макареня, И. Н. Филимонова, Н. Г. Карпило. М., 1973. С. 35.

⁹ Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб., 1903–1904 г. С. 278.

¹⁰ Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. М., 1995. С. 310

¹¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли. С. 2.

¹² Вейнберг Б. П. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве как лекторе. Томск, 1910. С. 5.

¹³ Менделеев Д. И. в воспоминаниях современников. С. 21

¹⁴ Воспоминание о Федоре Ивановиче Иноземцеве / С. А. Смирнова. М., 1872. С. 22–23.

¹⁵ Краткий очерк истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905), составленный профессорами Д. И. Багалеем, Н. Ф. Сумцовым и В. П. Бузескулом. Харьков, 1906. С. 70–72.

¹⁶ Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. М., 1995. С. 311.

¹⁷ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 4.

¹⁸ Ростовцев Ю. Как много может слово / Митрофанов Н.И., Кириллов Ю.Л. // Мастера красноречия. М., 1991. С. 24.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ Жур. Мин-ва нар. проsv. СПб., 1911. №11. С. 33.

²¹ Митрофанов Н. И., Кириллов Ю. Л. Мастера красноречия. М., 1991. С. 40.

²² Там же. С. 45.

²³ Менделеев Д. И. в воспоминаниях современников. С. 67.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 70.

²⁶ Там же. С. 69.

²⁷ Вейнберг Б. П. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве как лекторе. Томск, 1910. С. 2.

²⁸ Там же. С. 71.

²⁹ Менделеев Д. И. в воспоминаниях современников. С. 58.

³⁰ Там же. С. 65.

³¹ Вейнберг Б. П. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве как лекторе. С. 2.

³² Бутов И. Административно-педагогическая деятельность Ломоносова. Ревель, 1892. С. 12–13.